

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ГОРОДА В ГОРОДЕ: ОТ НАРРАТИВОВ К ИНСТИТУТАМ¹

ОВОДОВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА,

*кандидат философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»,
заместитель декана факультета теологии, философии и мировых культур,
г. Омск, Россия,
e-mail: sn_ovodova@rambler.ru;*

ЧУПИН РОМАН ИГОРЕВИЧ,

*кандидат социологических наук,
ИЭОПП СО РАН, научный сотрудник
г. Омск, Россия,
e-mail: roman-chupin@ya.ru;*

ЖИГУНОВ АНТОН ЮРЬЕВИЧ,

*аспирант,
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»,
г. Омск, Россия,
e-mail: zhigunowanton94@mail.ru*

Статья посвящена изучению проблемы рассогласованности представлений о стратегии благоустройства города между представителями власти и самоорганизующихся городских сообществ активистов. В процессе институционализации городские сообщества осваивают и воспроизводят дискурсивные практики, сохраняя существующий урбанистический дискурс. Выступая посредниками между институциональными конструктами и социальными практиками, дискурсивные практики позволяют выявить неэффективность функционирования институтов. В урбанистическом дискурсе репрезентируются требования к благоустройству города городских активистов, СМИ, муниципальной и городской власти, что позволяет выявить конфликт, возникающий по причине рассогласования представлений о стратегии развития и обустройства города. Для описания урбанистического конфликта городских сообществ используется теория институционального диссонанса С. Г. Кирдиной-Чендлер.

Авторами был проанализирован институциональный диссонанс трех типов дискурса: дискурса высокой урбанистики, оперирующего образом индустриального, модернистского города; дискурса левой урбанистики, акцентирующего внимание на социальных проблемах в городе; дискурса хипстерской урбанистики, актуализирующего запрос горожан на креативную экономику, современный дизайн публичных пространств, которые позволяют улучшить качество жизни. В статье выявлена и описана структура урбанистического дискурса о благоустройстве города Омска. Осуществлена оценка позиций акторов, влияющих на формирование институциональной среды города Ом-

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (проект 18-311-00210 «Социолнгвистический анализ урбанистического дискурса городских сообществ (на примере города Омска)»).

ска. Подсчитаны и проанализированы репрезентации X, Y-матриц урбанистического дискурса о благоустройстве города в городе.

Ключевые слова: урбанистический дискурс; благоустройство города; институциональный диссонанс; институциональные матрицы; нарративы.

URBAN DISCOURSE ABOUT CITY IMPROVEMENT: FROM NARRATIVES TO INSTITUTIONS²

SVETLANA N. OVODOVA,

*Candidate of Philosophical Sci,
Assistant professor,
Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky,
Omsk, Russia,
e-mail: sn_ovodova@rambler.ru;*

ROMAN I. CHUPIN,

*Candidate of Soc. Sci,
Research scientist,
Institute of Economics and Industrial Engineering
Siberian Branch of the RAS,
e-mail: roman-chupin@ya.ru;*

ANTON Y. ZHIGUNOV,

*PhD-student,
Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky,
Omsk, Russia,
e-mail: zhidunowanton94@mail.ru*

The article is devoted to the research of problem of incoordination of ideas about the strategy of improvement of the city between authorities and the self-organized city communities of activists. In the institutionalisation processes the city communities are explore and make discursive practices, keeping the existing urban discourse. Mediating between institutional constructs and social practices, discursive practices allow to reveal inefficiency of functioning of institutes. Urban discourse represents demands to improvement of the city of city activists, media, municipal and city authorities, that allows to see the conflict arising because of incoordination of ideas of strategy development and arrangements of the city. For the description of the urban conflict of city communities is used the theory of an institutional dissonance of S. G. Kirdina-Chandler. Authors are analysed an institutional dissonance of three types of a discourse: the discourse of high urbanistics, which operates with image of the industrial, modernist city; the discourse of the left urbanistics, which focus attention on social problems in the city; the discourse of hipster's urbanistics, which underline request of citizens for creative economy, modern design of public spaces, that allow to improve quality of life. The structure of the urban discourse about improvement of the city of Omsk is revealed and described in the article. Assessment of positions of the actors, that influence on the formation of the institutional environment of the city of Omsk is made. Representations of X, Y-matrixes of an urban discourse about improvement of the city in the city are counted and analysed.

² The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project 18-311-00210 «The sociolinguistic analysis of an urbanistic discourse of urban communities (on the example of the city Omsk)»).

Keywords: *urban discourse; comfort city; institutional dissonance; institutional matrixes; narratives.*

JEL: *A14; O18; P48*

Введение

В июле 2018 г. в Москве состоялся крупнейший в мире урбанистический конгресс – MOSCOW URBAN FORUM, темой которого стал «Мегаполис будущего». Одной из ключевых задач форума являлся поиск эффективных инструментов благоустройства города, в том числе затрагивались проблемы адаптации укоренившихся институтов в современный технологический ландшафт городской среды. Несмотря на бесспорную актуальность заявленной темы, в ходе обсуждений так и не возник консенсус между сторонниками «новой» и «старой» урбанистики.

Современный город давно стал «жизненным миром», где проживает большинство людей, поэтому научный анализ города как объекта затруднен. Не будучи доступным как теоретически объективируемая реальность, город и многообразная городская жизнь вряд ли в полной мере могут быть описаны какой-то отдельной концепцией. В связи с этим *Joel Torregroza-Lara E. (2018)* предлагает использовать метафоры для выявления скрытых смыслов, заложенных в городских практиках.

В современном мегаполисе сообщества обусловлены не только исторически, а динамично конструируются для решения проблем в сфере благоустройства: самостоятельно облагораживают придомовые территории (включая детские площадки), организуют стихийные парковочные зоны для транспорта, занимаются вопросами защиты собственности. При этом принципы, регламентирующие проживание людей в современной городской среде не предполагают их естественной консолидации. Современные российские города по своей структуре дискретны и неоднородны, несмотря на развитую инфраструктуру и разросшуюся сеть коммуникации. Магистраль пронизывает город насквозь, но не объединяют районы. Механическая спайка районов с помощью путей сообщения не предполагает создания действительного сообщения районов внутри города. Городская среда распадается на фрагменты, не сплоченные общей идеей. Маршруты следования типизированы и подчинены идее связывания разобщенных элементов в единое целое. Создание единого коммуникативного пространства не является формой сплочения людей.

Структура среды задает индивиду маршруты, темп и направление движения, при этом не всегда среда выстроена соразмерно человеку. Проблема современных городов – нерациональное расходование ресурсов. Мусор, выбоины на дорогах – все это маркеры маргинальных локусов, демонстрация периферийности и отсутствия интереса к развитию территории.

В качестве основной задачи урбанистики *Borja J. (2007)* видит создание новых городских общественных пространств, которые будут отвечать потребностям разных слоев горожан. При перестройке центров многих городов используются принципы новой урбанистики, которые позволяют решить проблему физической фрагментации пространства города и социальной изоляции отдельных городских сообществ. Возможность участия в жизни города разных социальных групп, по мнению автора, обеспечивается созданием единого коммуникативного пространства, где будут высказаны и учтены требования разных городских сообществ.

Одним из малоизученных феноменов современной социальной реальности являются самоорганизующиеся городские сообщества, которые поощряют в своих участниках гражданский активизм. В механизмах благоустройства города задействованы городские сообщества с индивидуальными специфическими чертами и моделями социального поведения. Дифференциация городских сообществ опирается на закрепленные роли акторов в разных типах городской деятельности.

Так, в городе Омске начиная с 2012 г. активисты объединяются в городские сообщества, целью деятельности которых является создание комфортной городской среды. Запрос активистов на «комфортный город» не был удовлетворен со стороны власти, в связи с чем активисты, объединенные во множество разных городских сообществ, начали сами преобразовывать публичное пространство города и создавать формы культурного досуга. Отмечается наличие неформальных практик по благоустройству территорий, которые, во многом, дублируют или замещают деятельность местных органов власти. Своей деятельностью городские сообщества Омска пытаются компенсировать существующие пробелы в действующих институтах, в том числе обеспечить экономию транзакционных издержек при взаимодействии власти с населением, повысить результативность механизмов социального контроля.

Однако деятельность городских сообществ активистов не в полной мере находит отклик со стороны власти, что порождает напряженную социальную атмосферу в регионе. Ситуация усугубляется сообщениями СМИ о городской среде, которые носят негативную коннотацию.

На необходимость учитывать мнение стейкхолдеров (бизнеса, власти, исследовательских центров, университетского сообщества и местных жителей) также указывают *Fernandez-Anez V., Fernandez-Guell J. M. и Giffinger R. (2018)*. Концепция Smart City («умного города») предполагает, что в разработке и реализации стратегии развития города будут участвовать все заинтересованные стороны, что поможет избежать урбанистических конфликтов. Однако координация усилий по благоустройству города и нахождение компромисса между сторонами представляется сложными, так как требуют разработки методологии анализа запросов всех сообществ. На примере города Вены авторы предлагают концептуальную модель разработки стратегии в русле «умного города», которая включает в себя опросы и интервью с заинтересованными в изменении города сторонами.

Типы урбанистического дискурса и институциональные диссонансы

Глобализация городов привела к многочисленным изменениям, в том числе к росту разнообразия в использовании общественного пространства. Это вынуждало муниципалитет разрабатывать новые инструменты управления общественным пространством. В статье *Pradel M., San J. и Climent V. (2018)* анализируется эволюция управления городом на примере Барселоны, которая пережила глубокую трансформацию своей экономики в связи с ростом посетителей и новыми финансовыми потоками. Власть Барселоны выработала новый дискурс и практику управления городом, которая предполагает принятие решений по благоустройству при участии горожан.

Взаимоотношения городских сообществ с городской средой репрезентируются не только в физическом пространстве города, но и отражаются в языке. Как указывал Л. Тевено: «действие может быть обоснованным или осмысленным только в той мере, в которой оно связано с сущностями, обладающими достаточной универсальностью, позволяющей выйти за рамки частных и случайностей и осуществить сближение» (*Тевено, 1997, с. 75*). Л. Тевено также привлек внимания к тому, что люди действуют в контексте, образованном текстами, законами, учётными единицами, критериями оценок (*Тевено, 2007, с. 96*).

Таким образом, деятельность активистов обусловлена дискурсивным плюрализмом фиксированных (властных структур, обывателей) и стихийно-возникающих (медиа, городские активисты) участников городского коммуникативного пространства, каждый из которых привносит свои практики в урбанистический дискурс. Дискурс городских сообществ зависит и от социально-экономической специфики региона, в том числе от особенностей институциональной среды. В этом дискурсе репрезентируются ожидания, мнения, когнитивные представления людей посредством языковой объективации

концептуальных доминант, что обуславливает эффективность функционирования институтов.

В урбанистическом дискурсе репрезентируются интересы городских сообществ, что позволяет понять потребности жителей, выявить взгляд муниципальной и городской власти на город. Кроме того, в дискурсе зафиксированы и актуальные когнитивные представления носителей языка в отношении окружающей их действительности. Разные городские сообщества демонстрируют разные дискурсивные практики, разные представления об актуальном состоянии города, что провоцирует конфликт между социальными группами, т.к. каждая из них оперирует разными институциональными конструктами – образами города и, следовательно, видит, ставит и решает разные проблемы. В случае с урбанистическим дискурсом уместно называть данные конструкты – урбанемами. Несогласованность урбанем с элементами институциональной среды ведет к ситуации городской дисгармонии, городского дискомфорта, когда некоторые города становятся гигантами, являются центрами притяжения людей, а некоторые неизбежно угасают.

В. Вахштайн предлагает несколько регистров анализа урбанистического языка. Смена дискурсов демонстрирует смену парадигм, смену отношений к городу. Иными словами, урбанистический дискурс – это дискурс о благоустройстве города в городе. Философский анализ формирования научного урбанистического дискурса современности был осуществлен в статье *Doevendans K. и Schram A. (2005)*. Особое внимание было уделено разнице восприятия двух концептов города: «город создания» и «город накопления», понимание города диалектически колеблется между этими парадигмами. Данные концепты города условно можно соотнести с дискурсами модерна и постмодерна, однако эти дискурсы не в полной мере объясняют разницу между двумя концептуальными моделями развития городов.

Когнитивные и нарративные репрезентации представлений о городе складываются в урбанистический дискурс, характерный для определенного городского сообщества (урбанистический дискурс власти, политических партий, городских активистов, медиа и т.д.) (*Вахштайн, 2014*). Урбанистический дискурс представляет собой особую структуру понимания и общения, которая конституирует социальную реальность и конституируется данным порядком через дискурсивные практики. Социальная реальность, в свою очередь, рассматривается не только как определяющая человеческое поведение, но и всё больше как определяемая: одновременно являясь особой структурой, порождающей события общественной жизни и результатом институционализации. Институты способствуют утверждению и сохранению данной связи за счет упорядочивания действий индивидов и их групп. В процессе институционализации индивиды воспроизводят определенные дискурсивные практики путем подражания или принуждения, сохраняя существующий урбанистический дискурс.

При этом разные городские сообщества демонстрируют различные дискурсивные практики, разные представления об актуальном состоянии города, что провоцирует конфликт между социальными группами, т.к. каждая из них оперирует разными образами города и, следовательно, видит, ставит и решает разные проблемы. Это ведет к ситуации городской дисгармонии, городского дискомфорта.

Такая ситуация может быть описана гипотезой об институциональном диссонансе. Институциональный диссонанс (в общем виде) представляет собой постоянный побочный продукт институциональной сложности, означающий несоответствия между элементами двух или более логик или самими логиками (*Mauskopf and Zajac, 2013*). По мнению С. Г. Кирдиной-Чендлер «понятие институционального диссонанса отражает нарушение режима согласованных ожиданий в режиме коммуникации (взаимодействия) элементов социальных систем» (*Кирдина-Чендлер, 2017*). Помимо языковых различий, между сообществами также продолжают развиваться фундаментальные социальные

различия, которые связаны с архитектурой X и Y институциональных матриц (Кирдина, 2014).

Для понимания ситуации институционального диссонанса между данными элементами мы будем использовать классификацию языка урбанистики В. Вахштайна. Он предлагает выделить три типа урбанистики:

Высокая урбанистика (модернистский город), которая стремится создавать небоскребы, шоссе и т.п. Данный тип урбанистики соотносится с индустриальным обществом, т.к. ключевые доминанты интереса – это увеличение производительности, развитие производства и экономики в целом. Пример удачной консолидации сил местных сообществ при формировании промышленного образа города рассмотрен в статье *Moser J. (2005)*. Фабрика компании Volkswagen в Дрездене не идет в разрез с самоощущением горожан, что позволяет встраивать маркетинговые стратегии в культуру города. Метафоры роскоши соотносятся с габитусов Дрездена, поэтому дискурсы компании и дискурсы горожан не вступают в противоречие.

В рамках левой урбанистики (левацкий город) актуализируются проблемы развития общественных пространств, количества и качества рабочих мест, дискриминации, миграции. Левая урбанистика является реакцией на высокую урбанистику, выявляет проблемы, образовавшиеся в индустриальном обществе. Социальный подход в урбанистике анализировали *Bodurou C. C. and Martin J. R. (2010)*. Промышленный город, например такие, как Детройт и Новый Орлеан, в определенное время начинают «сжиматься», уменьшаться в размерах в связи с тем, что привычные экономические ресурсы, необходимые для существования и развития города, более в город не поступают. Предотвратить урбанистическую катастрофу такого типа возможно, как отмечают авторы в том случае, если вовремя применить социальный подход и переориентировать стратегию развития города и учесть потребности жителей, а не только требования, которые предъявляют к городу промышленные предприятия.

Представители хипстерской урбанистики воспринимают город как сцену, как место, где можно получить удовольствие от комфортного города. В рамках этой урбанистики наиболее актуальными являются обсуждения дизайна публичных пространств, наличия велодорожек, парков и т.п. В процессе переориентации стратегии развития города можно отойти от индустриального направления развития и выбрать путь креативной экономики. В статье *Zebracki M. (2018)* описывается как при участии местных сообществ возможно создавать художественные пространства в городе для привлечения инвестиций. При переходе от экономики, основанной на производстве, к экономике, основанной на знаниях, у горожан возникает запрос на общественные пространства, способствующие улучшению качества жизни (*Esmailpoorarabi, Yigitcanlar and Guaralda, 2018*).

Язык репрезентирует интересы городских сообществ, позволяет понять потребности жителей. Видение проблем и направления развития города обусловлены определенными урбаненемами, которые проявляются в языке. В связи с этим может возникнуть конфликт между социальными группами, т.к. каждая из них оперирует разными образами города и, следовательно, видит, ставит и решает разные проблемы. Нестыковку этих интересов можно зафиксировать в дискурсе городских сообществ. Выбирая язык, мы выбираем способ мышления о городе, его проблемах и потребностях жителей.

Дискурс городских сообществ зависим и от социально-экономической специфики региона. В этом дискурсе репрезентируются ожидания, мнения, когнитивные представления людей посредством языковой объективации концептуальных доминант. Старые практики планирования городской среды и управления городом не могут адаптироваться к новым социальным реалиям. Градостроительная документация не учитывает потребностей жителей мегаполиса, что и побуждает жителей самоорганизовываться и решать урбанистические проблемы без взаимодействия с властью. Обозначенный конфликт интересов городских сообществ также

репрезентируется урбанистическим дискурсом. Социальные и коммуникативные конфликты, возникающие при взаимодействии активистов, власти и медиа есть результат различия в понимании представителями разных городских сообществ того, каким должен быть город.

При этом данный дискурс достаточно обширен (с точки зрения социальной структуры общества) и обладают своими жанро-стилистическими особенностями, выраженными в системах оценки. Совокупность присущих социальным группам систем оценки образует порядок дискурса, под которым, вслед за *N. Fairclough*, понимается конфигурация всех типов дискурса, которые применяются индивидами в каком-либо институте или используются в социальной области (*Fairclough, 1995, p. 145*). Тип дискурса, в свою очередь, состоит из самого дискурса и системы оценки, которые позволяют индивидам и их группам оперировать лишь ограниченным перечнем урбанем.

Урбанема представляет собой обозначающий образ, тогда как город – обозначаемый объект. Выявлению онтологической проблемы, которая заключается в противоречии между урбанемами в единую модель, посвящена таблица 1.

Таблица 1

Структура урбанистического дискурса о благоустройстве

Тип дискурса	Элементы архитектуры X и Y матриц		
	Политика	Идеология	Экономика
Высокая урбанистика	Унитарные институты	Коммунитарная идеология	Редистрибутивная экономика
Левая урбанистика	Федеративно-субсидиарные институты	Индивидуалистическая идеология	Рыночная экономика
Хипстерская урбанистика	Виртуальные институты	Пост-нигилистическая идеология	Креативная экономика

Источник: таблица составлена авторами самостоятельно на основе анализа практик городских сообществ.

В данном случае анализ сосредоточен на условиях институционализации урбанем, с помощью которых типы дискурса находят своё воплощение.

Методология исследования дискурса о благоустройстве города в городе

Вобщем виде институциональные конструкты означают набор требований индивидов, имеющих привычный характер для отдельных социальных групп. Как правило, такие требования оформлены в виде исторически выработанных, социально предписанных значений. Перечень предписанных свойств вносит порядок, на основе которого город приобретает своё специфическое социальное бытие и выделяются в пространстве. Однако это вовсе не те свойства, которые выражают идею или предназначение объекта. Природа предписанных свойств не характеризуется объективностью (то есть принадлежностью к объекту вне зависимости от субъекта). Скорее они считаются объективными, нежели являются таковыми на самом деле. Следовательно, мы можем говорить о том, что урбанемы не существуют вне дискурса, являясь продуктом редуцирующей социальную реальность дискурсивных практик.

Институциональные конструкты представляют собой своеобразные средства оценки, которые фиксируют различия и благодаря этому делают оценку возможной. При оценке происходит обращение к результатам предыдущих операций как к основанию будущих практик. Исходя из этого, мы можем связать процесс конституирования урбанистического дискурса с социальными практиками акторов, которые зависят от преобладающих в обществе институтов (в том числе от архитектуры X и Y матриц).

Для характеристики урбанем нами выделены четыре ключевых концепта: завод, улица, площадь и горожанин (рис. 1).

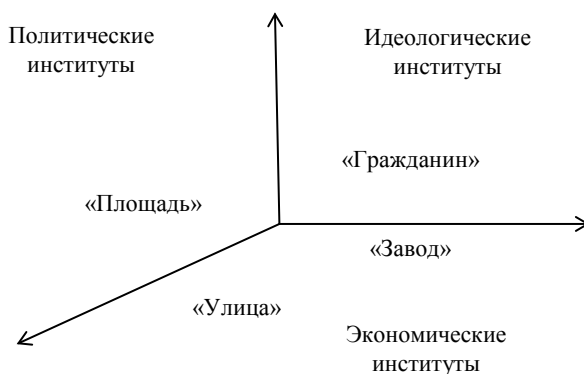

Рис. 1. Группировка ключевых концептов урбанистического дискурса
Источник: составлено на основе (Kirdina, 2014).

Анализ дискурсивных практик, в свою очередь, предполагает акцент на логике формирования, восприятия, интерпретации требований с использованием существующих типов дискурса. Процессы предписывания и обращения к институциональным конструктам образуют дискурсивные практики, которые объективируют социальные практики. При оценке качества именно дискурсивные практики выступают посредниками между институциональными конструктами и социальными практиками.

Дискурсивные практики (создание, восприятие и интерпретация смыслов индивидами) делают возможным конституирующее влияние дискурса на образование устойчивой социальной реальности. Американский философ Дж. Серл привлек внимание к такой важнейшей стороне конструирования микропорядков, как приписывание значений (Серл, 2007, с. 8). Реальность конструируется исходя из формулы «X считается Y в контексте C» – это есть конститутивное правило, которое предопределяет поведение.

Процессы предписывания и обращения к урбанемам, таким образом, образуют дискурсивные практики, которые объективируют социальные практики.

Мы предполагаем, что при реализации стратегий обустройства городской среды именно дискурсивные практики выступают посредниками между институциональными конструктами и социальными практиками.

Данное допущение позволяет сформировать цель анализа урбанистического дискурса: выявление условий институционализации урбанем путем изучения связей между типами дискурса (в рамках исследуемого порядка) и социальными практиками, реализуемыми активистами и их сообществами при обустройстве городской среды.

В общем виде урбанистический дискурс о благоустройстве города в городе имеет вид (рис. 2).

Мы предполагаем, что институциональный диссонанс в городской среде представляют собой противоречие между дискурсивными практиками, которые осуществляют активисты в процессе обустройства городской среды. Если основная гипотеза подтвердится, то выявление условий институционализации откроет возможность для разработки практических рекомендаций по разработке стратегий развития города и совершенствования институциональной среды.

На рисунке 2 типы дискурса взаимосвязаны между собой и включены в общий урбанистический дискурс о благоустройстве города в городе. Интертекстовые отношения, образующие нарративы, показаны в виде стрелок между текстами X, Y и XY. Отнесение текстов к определенным жанрам, которые в данном случае задаются архитектурой институциональных матриц, отмечены обычными стрелками. Урбанемы «гражданин»,

«завод», «площадь» и «улица» заданы в каждом дискурсе и имеют соответствующий идентификатор (в зависимости от контекста).

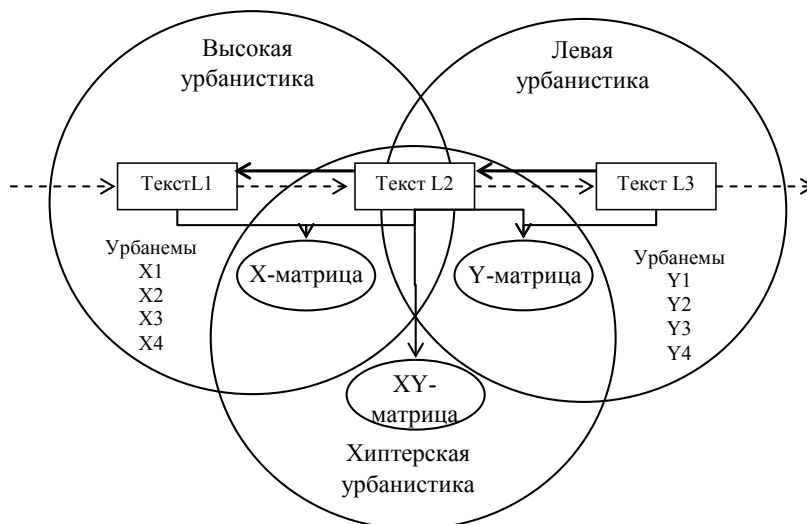

Рис. 2. Распространение урбанем в урбанистическом дискурсе и институциональной среде

Согласно Дж. Акерлофу и Д. Сноунеру, «мы можем охарактеризовать “нарратив” как последовательность связанных причинной связью событий и лежащих в их основе источников, разворачивающихся с течением времени, которые могут быть использованы в качестве шаблона при интерпретировании нашего настоящего опыта» (Akerlof and Snower, p. 58). В экономической теории под нарративами понимаются далеко не все взаимосвязанные тексты, а только те, которые связаны с формированием правил и устойчивых или доминирующих «поведенческих паттернов» (Вольчик, 2017).

В данном контексте ключевое значение приобретает вопрос распространения и трансформации урбанем в институциональную среду. Для определения позиции акторов в указанном дискурсе будет использован подход SYMLOG, предложенный Бейлсом и Коэном (Bales and Cohen, 1979):

$$L_i = 3 * \left(\frac{m * (x_i - y_i)}{X + Y} + \frac{x_i - y_i}{x_i + y_i} \right), \quad (1)$$

где L_i – позиция актора i в измерении X , Y -матриц; m – количество акторов (участников дискурса (по данным опроса)), x_i – количество значений матрицы X актора i , y_i – количество значений матрицы Y актора i , X_i – общее количество значений (репрезентаций) X -матрицы в дискурсе, Y_i – общее количество значений (репрезентаций) Y -матрицы в дискурсе.

Применение формулы (1) позволяет изобразить на координатной плоскости рисунка 3 распределение акторов, участвующих в дискурсе. В качестве системы измерения позиции различных акторов, согласно подходу SYMLOG, являются рейтинги, которые получают стандартными методами. Содержание урбанем со стороны различных социальных групп может быть определено за счет анализа суждений, выявляемых с помощью метода социологических исследований – глубинного интервью.

Общая схема анализа нарративов выполнена согласно предлагаемому В. В. Вольчиком и Е. В. Маслюковой алгоритме (Вольчик и Маслюкова, 2018). Однако при сборе материала все же использована качественная стратегия.

Результаты исследования

Во-первых, на основе контент-анализа региональных СМИ³ определено общее количество репрезентаций матрицы X и Y в урбанистическом дискурсе о благоустройстве города в городе (рис. 3).

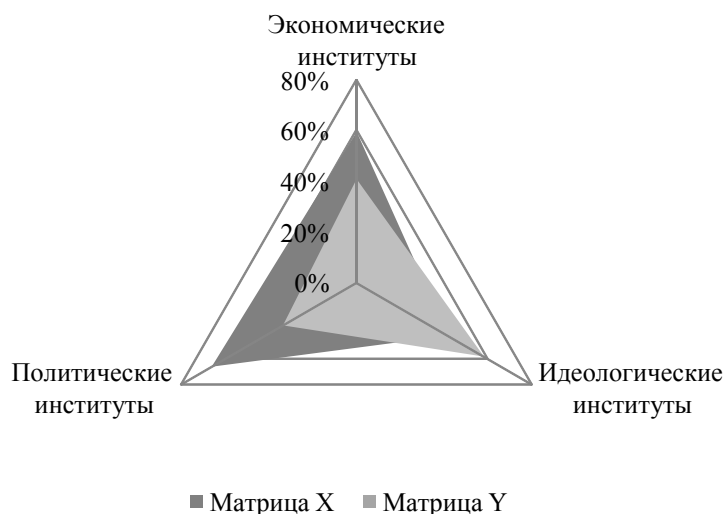

Рис. 3. Удельный вес значений X, Y-матриц в урбанистическом дискурсе о благоустройстве города в городе (г. Омск)

Источник: составлено авторами на основе контент-анализа СМИ.

По результатам анализа выявлено 455 значений по матрице X и 345 значений по матрице Y. Большинство значений матрицы X приходится на урбанему «завод» (145 значений) и «площадь» (133 значения), что свидетельствует о старопромышленном характере исследуемого города. Репрезентация матрицы Y наблюдается в первую очередь в концепте «горожанин» (116 значений). Таким образом, в городе Омске в части экономического и политического компонента преобладает тип дискурса высокой урбанистики. Основные темы текстов о благоустройстве затрагивают необходимость создания удобных, комфортных публичных пространств для досуга. Горожане-активисты не выступают за увеличение зарплат, за создание новых рабочих мест, как это было бы в том случае, если бы использовалась риторика левого урбанизма. При этом облик «горожанина» формируется в русле «левой» урбанистики. Горожане хотят комфорта, удобства, возможностей получать удовольствие от публичных пространств. Ключевыми темами дискурса выступают коммунальные проблемы города (включая тарифы) и строительство дорог.

Во-вторых, на основе проведения и анализа текстов интервью с городскими активистами⁴ произведена оценка позиций акторов, участвующих в формировании институциональной среды города Омска (рис. 4).

В ходе интервью информанты отмечали единство активных горожан, хоть и не имеющее структурированного характера и не наделенного общими лидерами, однако отличающееся самоорганизацией. Многие подчеркивали единство общего институционального поля активистов вокруг различных организаций: проектный институт «Град», независимая лаборатория «Город своими руками», проектная

³ Анализ проводился по полному перечню средств массовой информации Омской области в период с 1 января 2016 г. по 24 июля 2018 г. По урбанеме «завод» было проанализировано 32,6 тыс. сообщений, «площадь» – 63,8 тыс. сообщений, «улица» – 220,8 тыс. сообщений, «горожанин» – 34,2 тыс. сообщений. Данные для анализа предоставлены информационной аналитической системой «МЕДИАЛОГИЯ».

⁴ Для построения выборочной совокупности в качественном исследовании мы воспользовались «восьмиоконой» моделью выборки И. Штейнберга (2014). Для группировки информантов использован подход В. Ильина (2006). Модель выборки представлена в приложении А.

площадка «Public Speech», креативный центр «Step by step». При этом информанты четко разделяли понятия «активист» и «профессионал», считая необходимым оформить деятельность данных групп в единый механизм. Сами информанты не любят называть себя ни активистами, ни общественниками. Многие объясняли это тем, что за словами «активист» и «общественник» зафиксированы негативные коннотации бездельника, странного человека.

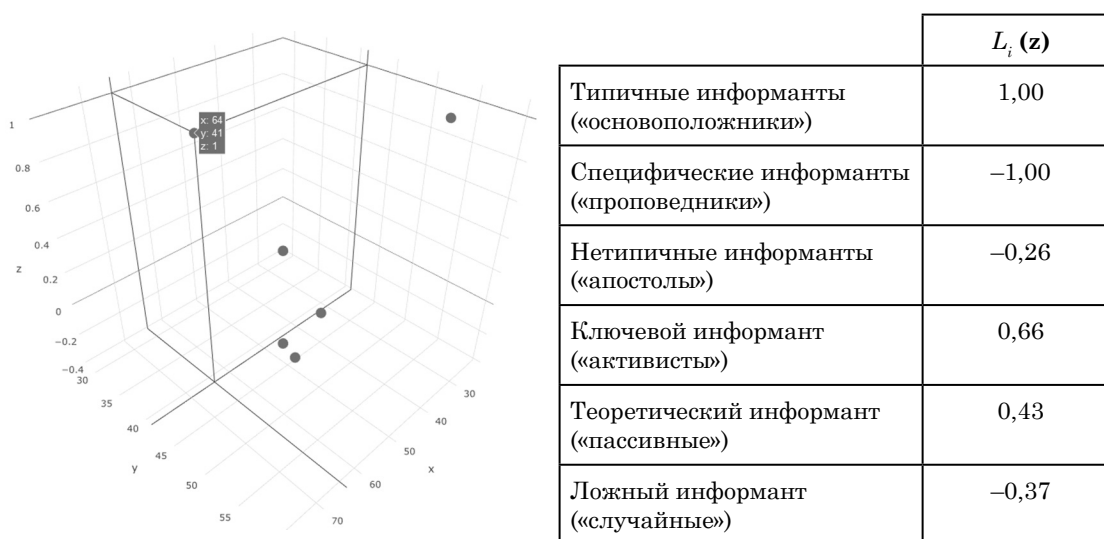

Рис. 4. Оценка доминирующих позиций акторов в измерении X, Y-матриц

Источник: составлено авторами на основе проведения глубинных интервью.

В ходе исследования социального движения выяснилась интересная закономерность. Не все активисты причисляли себя к какому-то конкретному сообществу, скорее называли себя руководителями отдельных проектов. Отдельные руководители проектов подчеркивали, что они являются руководителями не сообществ, а именно проектов.

Смещение дискурса в сторону проектного мышления обосновывается тем, что в современной экономической, культурной и социальной сферах доминирует стратегия апеллирования к проектам. В связи с этим городское движение Омска просто демонстрирует осведомленность в последних трендах, оперируя нарративами проектного подхода.

Кроме риторики проектов в ходе исследования были выявлены внерегиональные общемировые цели, на достижение которых также направлена деятельность активных горожан. В ходе исследования были выявлены следующие черты нарративов, о которых говорили информанты: 1) творчество, саморазвитие, самореализация, которые осуществляются вне профессиональной деятельности, а посредством деятельности в городских проектах; 2) получение финансового вознаграждения посредством деятельности в городских сообществах и городских проектах; 3) развлечение, креативный досуг; 4) общение, встречи с друзьями, появление друзей во время деятельности; 5) профессиональная самореализация, деятельность в городских сообществах и городских проектах помогла найти интересную работу.

Цели и ценности проектов, которые были выявлены в ходе исследования: 1) решение конкретных городских проблем, которое помимо решения локальных экологических и урбанистических проблем включает в себя также создание публичных пространств и влияние на решения городских властей о развитии города; 2) формирование омской идентичности.

Некоторые сообщества непосредственно не решают проблемы города, т.е. не занимаются практической деятельностью по благоустройству. У руководителей городских сообществ присутствует осознание недооцененности деятельности городских сообществ со стороны власти. В деятельности омского городского движения нет четкого протеста против существующей власти и других городских сообществ (бизнес). Омское городское движение неполитизировано, в отличие, например, от Химкинского движения, где решение конкретных проблем переросло в общегражданское движение «За честные выборы». У представителей омского движения скорее есть желание научить представителей власти и бизнеса делать «правильно», «интересно», «эффективно». Таким образом, проблема институционального диссонанса во многом обусловлена разницей дискурсивных практик, свойственных различным типам дискурсов, а не реальной борьбой за ресурсы.

Таким образом, мы можем говорить о социальном движении Омска как о движении нового типа, потому что объединяющей силой новых социальных движений являются нарративы, присущие логике Y-матрицы. Классические социальные движения борются за ресурсы: власть, деньги и т.п. В связи с этим классические социальные движения соотносятся с индустриальным обществом типа X-матрицы. Представители новых социальных движений борются за самоидентификацию, за возможность репрезентировать близкие им смыслы, борются за представленность в дискурсе. У представителей нового социального движения Омска присутствует нежелание встраиваться в индустриальную экономику, в бюрократическую систему, реализовывать нормы индустриального общества. А если нет интереса к ценностям индустриального общества, то меняется урбанистический дискурс: происходит отход от высокого урбанизма с его акцентами на развитии индустриального общества и промышленности.

Новое городское социальное движение Омска, начавшись с политической тематики (проект «Гражданин мэра») трансформировалось во внеполитическое досуговое мероприятие «Первого городского пикника». В дальнейшем проекты, которые возникли после этих мероприятий, носили не политический характер, а если и проходили выступления против градостроительных решений (Инициативная группа «ЛУЧ» и т.п.), то эти выступления не превращались в открытые политические протестные движения. В связи с отсутствием единой идеологии и лидеров, объединяющих движение, новое городское социальное движение Омска не сложилось как единое иерархичное институализированное движение. Горожане объединялись вокруг отдельных проектов и городских сообществ, деятельность которых была связана с решением конкретных локальных городских проблем по благоустройству. Однако нарративы, воплощаемые отдельными проектами и движениями, оказались схожи, со временем и активные горожане начали ощущать сопричастность к общегородским тенденциям, отчего начали себя идентифицировать не только с отдельными проектами и городскими сообществами, но и более общей группой «жителей неравнодушных к судьбе города». Общая идентификация не породила консолидации проектов и институционального объединения, сплочения всех проектов и городских сообществ не произошло. Новое городское социальное движение Омска носит сетевой текучий характер и поддерживается исключительно риторикой нарративов.

В результате научного исследования было выявлено преобладание типа дискурса высокой урбанистики в политических и экономических институтах города Омска, в идеологических институтах городские активисты демонстрируют нарративы, характерные для логики Y-матрицы. Горожане-активисты манифестируют позицию, присущую дискурсу левой урбанистики, что проявляется в апеллировании к концепту горожанина, который имеет коннотации «ответственного», «имеющего активную гражданскую позицию». Однако подробный анализ глубинных интервью показал, что активистов городских сообществ в меньшей степени интересуют вопросы социальной сферы, в большей мере ими поднимаются вопросы озеленения, экологии, благоустройства

публичных пространств, создания современных прогулочных зон и мест отдыха, т.е. темы, свойственный типу дискурса хипстерской урбанистики.

Предложенная и апробированная авторами междисциплинарная методика исследования нарративов и выявление в них типов дискурса может применяться для анализа разнообразных дискурсивных практик. Дальнейшие перспективы исследования состоят в уточнении методологии анализа дискурсов, определении специфики и концептуальных черт разных типов урбанистического дискурса, выработке полной методики выявления ожиданий жителей по отношению к качеству городской среды, что позволит разрабатывать гармоничные стратегии обустройства городской среды и нивелировать недовольство со стороны жителей по отношению к институтам, координирующим управление городом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вахштайн В.* (2014). Пересборка города: между языком и пространством // *Социология власти*, № 2, с. 9–38.
- Вольчик В. В.* (2017). Нарративная и институциональная экономика // *Journal of Institutional Studies*, Т. 9, № 4, с. 132–143.
- Вольчик В. В. и Маслюкова Е. В.* (2018). Нарративы, идеи и институты // *Terra Economicus*, № 2, с. 150–168.
- Ильин В. И.* (2006). Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис. 256 с.
- Курдина-Чэндлер С. Г.* (2017). Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: Научный доклад. Москва: Институт экономики РАН. с. 36.
- Курдина С. Г.* (2014). Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История. с. 468.
- Серл Дж.* (2007). Что такое институт? // *Вопросы экономики*, № 8, с. 4–27.
- Тевено Л.* (1997). Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // *Вопросы экономики*, № 10, с. 69–84.
- Тевено Л.* (2007). Ценность, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // *Институциональная экономика / Под общ. ред. А. Олейника*. Москва: ИНФРА-М. с. 76–113.
- Штейнберг И. Е.* (2014). Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмикоконная» модель // *Социология 4М*, № 38, с. 38–71.
- Akerlof, G. A. and Snower, D. J.* (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71.
- Bales, R. and Cohen, S.* (1979). SYMLOG. A System for a Multiple Level Observation of Groups. New York: The Free Press.
- Borja, J.* (2007). Revolution and counterrevolution in the global city: the frustrated expectations of the globalization of our cities // *Eure-revista Latinoamericana de Estudios Urbano Regionales*, 33(100), 35–50.
- Bodurou, C. C. and Martin, J. R.* (2010). Convergence of Intensity [CI] or How to Purposely Shrink a City // 2nd International Conference on Sustainable Architecture and Urban Development (SAUD) // *Sustainable architecture and urban development (SAUD 2010)*, IV, 17–32.
- Doevendans, K. and Schram, A.* (2005). Creation / accumulation city // *Theory culture & society*, 2 (22), 29.
- Esmailpoorarabi, N., Yigitcanlar, T. and Guaralda, M.* (2018). Place quality in innovation clusters: An empirical analysis of global best practices from Singapore, Helsinki, New York, and Sydney // *Cities*, 74, 156–168.
- Fairclough, N.* (1995). *Critical Discourse Analysis*. – Boston: Addison Wesley Publishing Company, p. 225.

Fernandez-Anez, V., Fernandez-Guell, J. M. and Giffinger, R. (2018). Smart City implementation and discourses: An integrated conceptual model. The case of Vienna // Cities, 78, 4–16.

Joel Torregroza-Lara, E. (2018). Metaphors for the City // Palabra clave, 21(1), 36–57.

Kirdina, S. (2014). Institutional matrices theory, or X&Y Theory: The Main Provisions and Applications. // Journal of Institutional Studies, 6(3), 12–31.

Mauskopf, M. and Zajac, E. (2013). The Emergence and Persistence of Institutional Dissonance at the New York Philharmonic, 1842–1928 // Academy of Management Proceedings, 1, 12015.

Moser, J. (2005). Production as representation. The “Glaerne Manufaktur” // Zeitschrift fur Volkskunde, 101(2), 171–187.

Shiller, R. J. (2017). Narrative Economics // American Economic Review, 107(4), 967–1004.

Zebracki, M. (2018). Regenerating a coastal town through art: Dismaland and the imitations of antagonistic art practice in the city // Cities, 77, 21–32.

Pradel, M., San J. and Climent, V. (2018). Transformations of the Barcelona public space management model // Ciudad y territorio-estudios territoriales-cytet, 49(196), 235–248.

REFERENCES

Akerlof, G. A. and Snower, D. J. (2016). Bread and bullets // Journal of Economic Behavior & Organization, 126, 58–71.

Bales, R. and Cohen, S. (1979). SYMLOG. A System for a Multiple Level Observation of Groups. New York: The Free Press.

Bodurow, C. C. and Martin, J. R. (2010). Convergence of Intensity [CI] or How to Purposely Shrink a City // 2nd International Conference on Sustainable Architecture and Urban Development (SAUD) // Sustainable architecture and urban development (SAUD 2010), IV, 17–32.

Borja, J. (2007). Revolution and counterrevolution in the global city: the frustrated expectations of the globalization of our cities // Eure-revista Latinoamericana de Estudios Urbano Regionales, 33(100), 35–50.

Doevendans, K. and Schram, A. (2005). Creation / accumulation city // Theory culture & society, 2(22), 29.

Esmailpoorarabi, N., Yigitcanlar, T. and Guaralda, M. (2018). Place quality in innovation clusters: An empirical analysis of global best practices from Singapore, Helsinki, New York, and Sydney // Cities, 74, 156–168.

Fairclough, N. (1995). Critical Discourse Analysis. Boston: Addison Wesley Publishing Company, p. 225.

Fernandez-Anez, V., Fernandez-Guell, J. M. and Giffinger, R. (2018). Smart City implementation and discourses: An integrated conceptual model. The case of Vienna // Cities, 78, 4–16.

Ilin, V. I. (2006). Dramatic art of a qualitative field research. Saint-Petersburg: Intersotsis. 256 p. (In Russian).

Joel Torregroza-Lara, E. (2018). Metaphors for the City // Palabra clave, 21(1), 36–57.

Kirdina, S. (2014). Institutional matrices theory, or X&Y Theory: The Main Provisions and Applications // Journal of Institutional Studies, 6(3), 12–31.

Kirdina, S. G. (2014). The institutional Matrices and The Development of Russia. Introduction to X-Y-theory. Saint-Petersburg: Nestor-History, 468 p. (In Russian).

Kirdina-Chandler S. G. (2017). The Meso Level: A New Look in Economics?: Working paper. Moscow.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 36 p. (In Russian).

Mauskopf, M. and Zajac, E. (2013). The Emergence and Persistence of Institutional Dissonance at the New York Philharmonic, 1842–1928 // *Academy of Management Proceedings*, 1, 12015.

Moser, J. (2005). Production as representation. The “Glaerne Manufaktur” // *Zeitschrift für Volkskunde*, 101(2), 171–187.

Pradel, M., San J. and Climent, V. (2018). Transformations of the Barcelona public space management model // *Ciudad y territorio-estudios territoriales-cytet*, 49(196), 235–248.

Searle, J. (2007). What is an Institution? // *Journal of Institutional Economics*, 8, 4–27. (In Russian).

Shiller, R. J. (2017). Narrative Economics // *American Economic Review*, 107(4), 967–1004.

Steinberg, I. E. (2014). A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An “8-Window Sample Model” // *Sociology 4M*, 38, 38–71.

Thevenot, L. (2007). Values, coordination and rationality: economics agreements or the era of convergence of economic, social and political sciences // *Institutional Economics* / Ed. by A. Oleinik. Moscow. INFRA-M, 76–113. (In Russian).

Thevenot, L. (1997). Plurality of forms of coordination: equilibrium and rationality in a complex world // *Questions of economy*, 10, 69–84. (In Russian).

Vakhshain, V. (2014). Reassembling the City: between space and speech // *Sociology of power*, 2, 9–38. (In Russian).

Volchik, V. V. (2017). Narrative and institutional economics // *Journal of Institutional Studies*, 9(4), 132–143. (In Russian).

Volchik, V. V., Maslyukova, E. V. (2018). Narratives, ideas and institutions // *Terra Economicus*, 2, 150–168. (In Russian).

Zebracki, M. (2018). Regenerating a coastal town through art: Dismaland and the imitations of antagonistic art practice in the city // *Cities*, 77, 21–32.

Модель выборки

Теоретические информанты «Пассивные» m=2	Ложный информант «Случайные» m=1	Специфические информанты (обладают характеристиками, но не демонстрируют практики) («Проповедники»)
Ключевые информанты (руководители сообществ) «активисты»		m=3
m=4		
Не типичные информанты (не обладают характеристиками, но демонстрируют практики) «Апостоль» m=2		Типичные информанты (обладают характеристиками и демонстрируют практики) «Основоположники» m=4